

09.04.99

Гоголь

Ш. В.

СОРОКОВОЙ день по кончине Гоголя пришелся на понедельник Светлой седмицы (Пасха в 1852 году праздновалась 30 марта). У могилы Гоголя на кладбище Свято-Даниловского монастыря собрались его друзья и почитатели — С.Т. Аксаков, М.П. Погодин, Ю.Ф. Самарин, А.С. Хомяков, П.В. Киреевский, Н.В. Берг, Т.Н. Грановский, А.Н. Островский, Т.И. Филиппов и другие — всего около сорока человек. После заупокойной обедни была отслужена панихида по усопшему рабу Божьему Николаю. «Утешением было в нашем горе, — вспоминал Степан Петрович Шевырев, друг и душеприказчик Гоголя, — слышать воскресный колокол вместе с заупокойным пением. На могиле его, убранной зеленью и цветами среди снега, мы слышали: «Христос Воскресе!»

После панихиды предложена была трапеза шестидесяти бедным и монашествующей братии. На поминальном обеде в покоях настоятеля, архимандрита Пармена, Шевырев прочел «Светлое Воскресенье» — последнее напечатанное при жизни произведение Гоголя.

ЗАЧЕМ этот утративший значение праздник? Зачем он вновь приходит глуше и глуше скликать в одну семью разошедшихся людей и, грустно окинувши всех, уходит как незнакомый и чужой всем? <...> И непонятной тоской уже загорелась земля; черствей и черствей становится жизнь; все мельчает и мелеет, и возрастает только в виду всех один исплинский образ скуки, достигающий с каждым днем неизмеримейшего роста. Все глухо, могила повсюду. Боже! пусто и страшно становится в Твоем мире!

Отчего же одному русскому еще кажется, что праздник этот празднуется, как следует, и празднуется так в одной его земле? Мечта ли это? Но зачем же эта мечта не приходит ни к кому другому, кроме русского? Что значит в самом деле, что самый праздник исчез, а видимые признаки его так ясно носятся по лицу земли нашей: раздаются слова: «Христос Воскресе!» — и поцелуй, и всякий раз так же торжественно выступает святая полночь, и гулы всевозможных колоколов гуляют и гудят по всей земле, точно как бы будят нас? Где носятся так очевидно призраки, там недаром носятся; где будят, там разбудят. Не умирают те обычаи, которым определено быть вечными. Умирают в букве, но оживают в духе. Померкают временно, умирают в пустых и выветрившихся толпах, но воскресают с новой силой в избранных, затем, чтобы в сильнейшем свете от них разлился по всему миру. Не умрет из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно русское и что освящено Самим Христом. Разнесется звонкими струнами поэтов, развозвестится благоухающими устами святителей, вспыхнет померкнувшее — и праздник Светлого Воскресенья воспринимается, как следует, прежде у нас, чем у других народов!

ВСЕ БЫЛИ тронуты до слез. «Можете себе представить, — рассказывал историк Михаил Петрович Погодин, — какую силу получило каждое его слово, само по себе сильное, теперь послышавшееся из могилы, запечатленное великой печатю смерти и бессмертия, священный голос с того света». Поэт и переводчик Николай Васильевич Берг вспоминал: «Немного таких мгновений, какие мы пережили там, дается человеку на земле!» В этот день впервые столь светло и победно прозвучало духовное слово Гоголя, в первый раз единодушно и сердечно воспринятое друзьями его.

НО ЗАЧЕМ же еще уцелели кое-где люди, которым кажется, как бы они светлеют в этот день и празднуют свое младенчество, — то

Владимир ВОРОПАЕВ

лит. Россия 1999. — апр. с. 6.

СВЕТЛЫЕ СОРОКОВИНЫ

младенчество, от которого небесное лобзание, как бы лобзание вечной весны, изливается на душу, то прекрасное младенчество, которое утратил гордый нынешний человек? Зачем еще не позабыл человек навеки это младенчество, и, как бы виденное в каком-то отдаленном сне, оно еще шевелит нашу душу? Зачем все это, и к чему это? Будто не известно зачем? Будто не видно к чему? Затем, чтобы хотя некоторым, еще слышащим весеннее дыхание этого праздника, сделалось бы вдруг так грустно, как грустно, как грустно ангелу по Небе. И, завопив раздирающим сердцем, упали бы они к ногам своих братьев, умоляя хотя бы один этот день вырвать из ряда других дней, один бы день только провести не в обычаях девятнадцатого века, но в обычаях вечного века, в один бы день только обнять и обхватить человека, как виноватый друг обнимает великодушного, все ему простившего друга, хотя бы только затем, чтобы завтра же оттолкнуть его от себя и сказать ему, что он нам чужой и незнакомый. Хотя бы только пожелать так, хотя бы только насильно заставить себя это сделать, ухватиться бы за этот день, как утопающий хватается за доску! Бог весть, может быть, за одно это желанье уже готова сброситься с Небес нам лестница и протянуться рука, помогающая взлететь по ней.

ОБРАЗ лестницы (в церковнославянском — *лествицу*) — один из любимейших у Гоголя. Он встречается уже в одном из самых ранних его произведений — в повести «Майская ночь, или Утопленница» (1829). «Ни один дуб у нас не достанет до неба, — жалеет красавица Ганна. — А говорят, однако же, есть где-то, в какой-то далекой земле, такое дерево, которое шумит вершиною в самом небе, и Бог сходит по нем на землю ночью перед Светлым праздником. — Нет, Галю, отвечает ей козак Левко, — у Бога есть длинная лестница от неба до самой земли. Ее становится перед Светлым Воскресением святые архангелы; и как только Бог ступит на первую ступень, все нечистые духи полетят стремглав от земли и кучами попадают в пекло, и оттого на Христов праздник ни одного злого духа не бывает на земле».

В православной святоотеческой литературе «лестница» — один из наиболее значительных образов духовного возрастания. Он восходит к Библии, а именно к 28-й главе Книги Бытия (ст. 10 — 17), где описывается видение патриарха Иакова: «И сон виде: и се, лестница утверждена на

земли, еяже глава досязаша до небесе, и ангели Божии восхождаху и низхождаху по ней». Этот фрагмент входит в паремии (избранные места из Священного Писания), читаемые в Церкви на Богородичные праздники, и встречается во многих акафистах: Пресвятой Богородице — «*Радуйся, лестнице небесная, Еюже сниде Бог; радуйся, мосте, преводяй сущих от земли на небо*»; святителю Николаю, небесному покровителю Гоголя — «*Радуйся, лестнице, Богом утвержденная, Еюже восходим к небеси...*».

Примеры такого словоупотребления мы находим и в выписках Гоголя из церковных песней и канонов служебных Миней. Сохранились свидетельства, что Гоголь внимательно изучал «Лествицу» преподобного Иоанна Лествичника, игумена Синайской горы, и делал из нее подробные выписки. Известно, что перед кончиной он громко произнес: «Лестница, поскорее, давай лестницу!» (Подобные же слова о лестнице сказал перед смертью святитель Тихон Задонский.)

Доктор Алексей Терентьевич Тарасенков, наблюдавший Гоголя во время его предсмертной болезни, вспоминал: «...он указал мне на сочинение Иоанна Лествичника, в котором изображены ступени христианского совершенства, и советовал прочесть его». По словам того же Тарасенкова, сочинение преподобного Иоанна Синайского нравилось Гоголю «своими строгими правилами», и он «старался достигать высших ступеней, в нем описанных».

Действительно, еще в 1842 году Гоголь писал Василию Андреевичу Жуковскому: «...живет в душе моей глубокая, неотраженная вера, что небесная сила поможет взойти мне на ту лестницу, которая предстоит мне, хотя я стою еще на низайших и первых ее ступенях»; в 1843 году Надежде Николаевне Шереметевой: «Долгое воспитанье еще предстоит мне, великая, трудная лестница».

В этом свете вся жизнь Гоголя, сопоставимая с монашеским подвигом, — мучительная борьба между духовными и художественными устремлениями, сожжение рукописей, попытка ухода в монастырь, в конечном итоге отказ от себя и мученическая кончина, — предстает как образ духовной лестницы, постоянного восхождения, а произведения его являются некими ступенями на этом нелегком пути.

* На иконе Богородицы «Неопалимая купина» среди других символических изображений есть и лестница, образ сошествия Господа на землю через плоть Богородицы как по некоей лестнице.

Своими словами о лестнице, которые друзья слушали на сороковинах, Гоголь как бы желал им уже из-за гроба взлететь к духовному совершенству.

Кончина Гоголя примирила рассорившихся было Аксакова и Шевырева, Самарина и Погодина. Последний записал в своем дневнике 29 марта 1852 года: «А есть, действительно, в смерти Гоголя что-то примиряющее и любовное». Уместно вспомнить здесь слова, обращенные к графу Александру Петровичу Толстому в статье «Занимающему важное место» (запрещенной цензурой и увидевшей свет только после смерти Гоголя): «Я даже уверен, что когда буду умирать, со мной простятся весело все меня любившие: никто из них не заплачет и будет гораздо светлее духом после моей смерти, чем при жизни моей».

Во время поминальной трапезы обдумывали, какой памятник поставить Гоголю. «Две надписи встретили всеобщее сочувствие, — вспоминал Шевырев. — Одна относится к нему как к писателю и взята из пророка Иеремии: «Горьким словом моим посмеюся». Другая относится к любимым мыслям последнего десятилетия его жизни. В ней выражается средоточие всех его мыслей: «Ей, гряди, Господи Иисусе!» Поминки происходили в замечательный день: 30 марта, по преданию Церкви, было распятие Спасителя. С 31 марта на первое апреля совершилось Воскресение. 31 марта мы поминали его».

Ни Шевырев, ни кто-либо другой из присутствовавших не знали, что это был день смерти отца Гоголя, Василия Афанасьевича, умершего на третий день Светлого Христова Воскресения и завещавшего похоронить себя в родной деревне возле церкви. Гоголь в своем завещании высказал пожелание: «Я бы хотел, чтобы тело мое было погребено если не в церкви, то в ограде церковной, и чтобы панихиды по мне не прекращались».

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ надписи на гоголевском памятнике были предложены Шевыревым, во всяком случае, первая из них — из пророка Иеремии (20, 8): «Горьким словом моим посмеюся». Этот стих из Священного Писания, помещенный на надгробной плите из черного мрамора и ныне наиболее часто цитируемый, по словам Петра Паламарчука, «замечательно отразил союз художественной правды с пророческим служением, в котором сам Гоголь видел смысл своего творчества». Слова «Ей, гряди, Господи Иисусе», взятые из Апокалипсиса (22, 20), впоследствии были выбиты на надгробном камне Гоголя (так называемой Голгофе) и выражают, без сомнения, самое главное в его жизни и творчестве, особенно последнего десятилетия: стремление к стяжанию Духа Святого и приготовление своей души к встрече с Господом.

В 1903 году новомученик протоиерей Иоанн Восторгов в своем слове на панихиде по Гоголю раскрыл суть его духовного значения. «Вот писатель, — сказал он, — у которого сознание ответственности пред высшею правдою за его литературное слово дошло до такой степени напряженности, так глубоко охватило все его существо, что для многих казалось какою-то душевною болезнью, чем-то необычным, непонятым, ненормальным. Это был писатель и человек, который правду свою и правду жизни и миропонимания проверял только правдою Христовой. Да, отрадно воздать молитвенное поминовение пред Богом и славу пред людьми такому именно писателю в наш век господства растленного слова, — писателю, который выполнил завет апостола: *слово ваше да будет солию растворено*». И много в его писаниях этой силы, предохраняющей мысль от разложения и гниения, делающей пищу духовную удобоприемлемой и легко усвояемой. <...> Такие творцы по своему значению в истории слова подобны святым отцам в Православии: они поддерживают благочестные и чистые литературные предания».

* Кол. (4, 6).